

ОФИЦЕРСКИЕ «СКАЗКИ» И ПОСЛУЖНЫЕ СПИСКИ НАЧАЛА XVIII В.

М. Д. Рабинович

Среди архивных материалов XVII — начала XIX в. значительное место занимают записи объяснений или показаний различных лиц, называемые «сказками». Это довольно разнородная группа источников как внесудебного (отчеты должностных лиц, заключения специалистов по разным вопросам, сообщения купцов и ремесленников о торгах и промыслах и т. д.), так и судебного происхождения (ставочные или срочные «сказки» — подписки ответчиков с указанием желательного срока рассмотрения судебных дел; пересрочные или полюбовные «сказки» о прекращении тяжбы). В XVIII в. появляются ревизские «сказки». С XVII в. сохранились «сказки» служивых людей об их семейном, имущественном и служебном положении¹. «Сказки» не имели твердо установленной формы. Обычно они начинались с даты, затем следовало имя подателя «сказки». В тех случаях, когда они подписывались авторами, их называли «заручными сказками».

В начале XVIII в. появляется новая разновидность подобных документов, исходивших не от отдельных лиц, а от целых воинских частей. В архивных материалах они носят наименование полковых «сказок», полковых ведомостей и полковых ведений. При всех различиях в наименованиях данные документы представляют собой однотипные, написанные на основе имевшихся в полковых канцеляриях материалов и свидетельств ветеранов формуляры воинских частей. Они составлялись по определенному вопросу, присланному из Военной коллегии. Представление о нем дает введение в формуляр Смоленского пехотного полка: «1720 году марта 1 дня, дивизии генерала аншефта и генерала-губернатора Лифляндии и кавалера его сиятельства князя Аникиты Ивановича Репнина Смоленского пехотного пол-

ку ведение против указа царского величества, присланного из Военной канцелярии: как вышеписанной полк учинен с начала легулярной армии, в котором году, и по каким указом; и кем и ис каких людей набран. И кто имяно с начала были в них штап и обор-афицеры. И сколько было урядников и салдат и неслужащих, також лошадей полковых казенных и фурманных. И алтилерии полковой, и всякой арматуры, ружья и мундиру. И к тому кто чего, а имяно рекрут, ружья и протчаго вышепомянутого — с начала того полку на сее время, в котором году порознь и откуда в даполнку прислано. И у кого принимано. И с того числа сколько, когда, где людей на баталиях, и акциях, и на штурмах побито, и в полон побрано, и без вести пропало. А полковой алтилерии, и амуниции, ружья, и всяких припасов, и лошадей, что, где и каким образом убыло. И... чего ныне налицо есть»². В тесной генетической связи с этими документами находятся относящиеся к тому же времени офицерские «сказки» и послужные списки, прилагаемые к полковым формулярам.

В советское время «сказки» привлекли внимание ряда исследователей. «Сказки» торговых людей начала XVIII в. были изучены Е. И. Заозерской, которая опубликовала девять из них, относящихся к Москве, Казани, Симбирску, Свияжску. «Сказкам» астраханских стрельцов в последней четверти XVIII в. посвящена работа Р. И. Козинцевой. Представленные в 1699—1700 гг. Генеральному двору в Преображенском при наборе регулярной армии «сказки» о частновладельческих и монастырских крестьянах были положены в основу статьи Я. Е. Водарского о служилом дворянстве. К. В. Сивков использовал «сказки» 1710 г. при подсчете общего количества дворов, принадлежавших дворянству и духовенству³. В ЦГВИА (ф. 490 — Коллекция офицерских «сказок») сохранился значительный комплекс полковых формуляров и офицерских «сказок» петровского времени, отложившийся в материалах Военной коллегии. В начале нынешнего века коллекция эта была приведена в порядок под руководством подполковника П. Поликарпова, возглавлявшего особое дело-производство Московского отделения общего архива Главного штаба. В связи с 200-летием учреждения регулярной армии и полтавским юбилеем данные из них были частично использованы П. Поликарповым и некоторыми полковыми историографами⁴.

² ЦГВИА, ф. 490 (Коллекция офицерских «сказок»), оп. 2, д. 52, л. 1.

³ Заозерская Е. И. Сказки торговых людей Московского государства в 1704 г. — Исторические записки. М., 1945, т. 17; Козинцева Р. И. Астраханские стрельцы в последней четверти XVII в. (Опыт изучения «сказок» астраханцев) и Водарский Я. Е. Служилое дворянство в России в конце XVII — начале XVIII в. — В кн.: Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX вв. М., 1969; Сивков К. В. К истории землевладения в России в начале XVIII в. — Известия АН СССР. Отделение общественных наук. Л., 1933.

⁴ П-к П-в (Поликарпов П.). О войсковых частях, принявших участие в генеральной баталии под гор. Полтавой 27 июня 1709 г. — Военный сборник.

¹ Документы этого типа имеются в фондах ЦГАДА: Московский стол Разрядного приказа, Белозерская приказная изба; в материалах ОПИ ГИМ (ф. Салтыковых) и в местных архивах.

В советское время к ним обращались при выявлении документов по истории медицины в России. Однако в целом данный комплекс материалов по существу выпал из поля зрения советской исторической науки, изучающей военные аспекты петровского времени.

Полковые формуляры, офицерские «сказки» и послужные списки охватывают 26 драгунских и 34 пехотных полка полевой армии. Поскольку полковые формуляры составлялись на основе имевшихся в части материалов, их полнота и точность зависели от сохранности полковых архивов. Однако последние находились в плачевном состоянии. Лишь очень немногие полки имели в своих канцеляриях документы первого десятилетия XVIII в., поскольку во время «Турецкой акции» 1711 г. «повелено от генералитету всякие тягости бросить, а полковые книги и всякие ведомости сожжены»⁵. Были и иные причины массовой гибели полковых документов. Так, в Астраханском пехотном полку они «с кораблем „Нарвою“, потонули», в Воронежском пехотном полку в 1714 г. «в плавном походе на разбитых галерах письма потонули»⁶. В Смоленском пехотном полку погибли документы с 1700 по 1708 гг., так как «оной полк в 708 году разбили воры донские казаки Максимка Голой с товарищи. И какия были полковые припасы и всякие записки, книги и ведомости и оные взяты все и от помянутых воров донских казаков позжены и в воду пометаны»⁷. Поэтому полковые формуляры этих частей были очень неполными и содержали сведения, главным образом, за второе десятилетие XVIII в.

Возникновение данного комплекса материалов относится ко времени образования Военной коллегии. 26 мая 1718 г. фельдмаршал А. Д. Меншиков и генерал А. А. Вейде писали генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину: «Теперь по его царского величества имянному указу состоялось быть Военной коллегии под управлением нашим и велено нам в оную коллегию требовать от губерний обо всем, что к той коллегии принадлежит, подлинных и перечневых ведомостей и табелей... о том при сем прилагаем пункты...»⁸.

В частности, в первом пункте требовались сведения о войсках: «...в них кто имяно штап и обер-офицеры, и которые русские коим образом и через какие чины до тех нынешних чинов произошли. А иноземцы каких наций и по каким капитуляциям или

иным коим образом приняты»⁹. Данные эти надлежало представить «по крайней мере к декабрю месяцу 1718 году». Аналогичные сведения были затребованы в отношении полевой армии из Главной Военной канцелярии.

Необходимость сбора подобных материалов Военной коллегией обуславливалась тем, что до ее создания в России не было центрального правительственного органа, ведавшего всеми категориями командного состава. Офицеры полевых войск были в ведении Военного приказа и сменившей его Главной военной канцелярии. До 1709—1711 гг. офицерский состав гарнизонных войск и частей старой организации был ведом Разрядным приказом и местными разрядами (военными округами). После создания губерний он был подчинен губернской администрации. Кроме того, по свидетельству В. Н. Автократова, «часть офицеров и военных чиновников была подчинена другим приказам: артиллеристы и военные инженеры находились в ведении Приказа артиллерии, стрелцкие офицеры подчинялись Приказу земских дел, оружейные комиссары — Оружейной палате, морские офицеры — Адмиралтейскому и Военно-морскому приказам»¹⁰.

Поэтому в запросах, разосланных по учреждениям и воинским частям, писалось: «о требовании ко состоянию Военной коллегии ведомостей... о генеральном штапе с начала легулярной армии до сего времени сколько каких чинов генералитета в службе е. ц. в. было и кто имяно. Також и о полевых конных и пехотных [полках] и партикулярных шквадронах и баталионах. А имяно: в котором году по каким указам и с каких людей набраны, и кто имяны с начала были штап и обер-офицеры; сколько было урядников, и рядовых, и неслужащих; також и лошадей драгунских и подъемных; полковой и всякой арматуры. В указе же е. ц. в. повелевает, чтоб от всяких полевых команд каждому аншефту прислать в Военную коллегию и в Главный комиссариат подлинные ведомости»¹¹. В свою очередь командиры дивизий затребовали от подчиненных частей не только полковые формуляры, но и подлинные «сказки» о службе каждого офицера с его собственноручной подписью и послужные списки.

В целях единообразия была разработана, говоря современным языком, типовая анкета, на вопросы которой опрашиваемым офицерам надлежало дать ответ за личной подписью: «Из каких чинов и каким образом и чрез какие чины до тех нынешних чинов произошли? И в которых годах и в какие службы написаны? И где были на службах, на баталиях, на акциях? И за какие кто службы произведен в чины и кем и по каким указам? И сколько за кем поместий и вотчин... А иноземцы: каких наций

⁹ Там же, л. 8.

¹⁰ Автократов В. Н. Военный приказ. (К истории комплектования и формирования войск в России в начале XVIII в.). — В кн.: Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. М., 1959, с. 242.

¹¹ ЦГВИА, ф. 490, оп. 2, д. 37, л. 2; д. 47, л. 3.

СПб., 1909, № 4—9; Григорович А. Перечень историй и памяток войсковых частей. СПб., 1913; Зезюлинский Н. К. родословию 34-х пехотных полков Петра I. СПб., 1915; Бескровный Л. Г. Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957; Дьяков В. А. Об использовании документальных материалов Центрального государственного военно-исторического архива русскими военными историками периода капитализма. — Информационный бюллетень ГАУ МВД СССР, 1958, № 9.

⁵ ЦГВИА, ф. 490, оп. 2, д. 55, л. 44.

⁶ Там же, д. 33, л. 4; д. 47, л. 3.

⁷ Там же, д. 52, л. 3.

⁸ Архив ЛОИИ СССР, ф. 270, д. 89, л. 6.

и сколь давно в службу въехали? И по каким капитуляциям и по чему они жалованья получают?»¹².

В некоторых полках подобные вопросы ставились в начале каждой офицерской «сказки». Например, в Рязанском полку они открывались такими словами: «По какому указу взят в службу и с которого году служит, где бывал на баталиях, штурмах против неприятеля, и от кого произошел рангами, и столько за мною поместья и вотчин, так же что ныне по сколько в. г. денежного жалованья получено, значит ниже сего»¹³.

На основании офицерских «сказок», после их проверки и уточнения по имевшимся в полковых канцеляриях документам, составлялись в полках послужные списки. Обычно в эти списки почти дословно вносился текст соответствующих офицерских «сказок».

В качестве примера приведем материалы о поручике Ростовского пехотного полка С. М. Лебедеве¹⁴. «Сказка», собственноручно подписанная им, гласила: «1720 году февраля в 20 день, дивизии генерала и кавалера его сиятельства князя Репнина Ростовского пехотного полку¹⁵ поручик Савостьян¹⁶ Лебедев сказал: от роду мне 23 года, взят я в службу царского величества в 700-м году из дворовых людей, писался¹⁷ волею, набору господина генерала и кавалера его сиятельства князя Репнина, и определен в Гулцев полк, который ныне именуется Ростовской пехотной полк, в солдаты. А из солдат определен в подпрапорщики. И в 702-м году под Шлесенымбурхом¹⁸ за Невою рекою¹⁹ на реке Черной на баталии был и в 703-м году под Канцами в шанцах и при отаковании был. И в 704-м году под Нарвою в опросах и при отаковании был. И за оную мою службу по ордеру генерала и кавалера князя Репнина в 707-м году июля 7 из подпрапорщиков пожалован в прапорщики...» Заканчивалась «сказка» С. М. Лебедева словами: «И ныне служу в оном же Ростовском полку поручиком. А поместья и крестьян за мною нет. А сие сказал самую истинную правду по совести своей под потеряннем чина и имени своего. Поручик Лебедев».

Послужные списки писались обычно форматом в писчий лист одним писарем. Им предшествовало краткое вступление. Например: «Псковского драгунского полку имяной наличной список штап и обор и ундер афицером, капралом и драгуном и нестроевым. Кто с которого году, и от каких чинов, и много ль за кем поместья, и вотчин, и крестьян, и которых городех. О том обо

всем у штап и о обор и ундер и редовых и протчих чинов под каждым именем писано»²⁰. Послужные списки подписывались в конце документа и скреплялись по листам командиром полка. Во многих полках офицеры, на которых составлялись послужные списки, расписывались под этими документами, подтверждая правильность сообщаемых сведений.

Податели «сказок» и лица, подписавшие составленные на их основании послужные списки, были заранее предупреждены об уголовной ответственности за неправильные сведения. Об этом прямо говорилось в начале соответствующих документов. Например: Сибирского драгунского полка «первой роты капитан Алексей Афанасьев сын Трубников сказал под честным паролем и под потеряннем своего чину, движимых и недвижимых пожитков». Затем следовал текст «сказки»²¹. Иногда в несколько видоизмененном виде подобная формула писалась в конце документа: «а ежели я сказал в сей скаски ложно, и за такую мою ложную скаску приказал бы ц. в. мне учинить штраф по военному артикулу, а движимые и недвижимые пожитки отписать на себя, в. г.»²², или: «Сказал самую истинную правду по совести своей под потеряннем чести и своих пожитков»²³.

В некоторых полках у авторов «сказок» требовали документы или свидетельские показания, «подкрепляющие» (подтверждающие) правильность сообщаемых сведений. Например, в Псковском драгунском полку, ссылаясь на то, что «по каким указам происходили (производились в чины.—М. Р.), того подлинного ведения при полку, и где на баталиях и штурмах были, нет», распорядились: «взять у них по указу ц. в. с подкреплением скаски порознь. И что сказали о том, они сами своими руками с подтверждением и подписались, которые следуют ниже»²⁴. К документу был приложен послужной список на 41 офицера с собственноручными подписями каждого из них, заверенными командиром полка.

В подобных случаях к офицерским «сказкам» и послужным спискам приобщались копии подтверждающих материалов, например, патентов на офицерские чины. Следует оговориться, что подобными документами обычно располагали лишь очень немногие офицеры, преимущественно из числа произведенных в чины в конце Северной войны, когда были узаконены баллотирования на вакансии и выдача патентов определенного образца лицам, которым присваивались соответствующие звания. Что же касается получивших чины в более раннее время по именным царским указам или основанным на них «повелениям» командиров корпусов, дивизий, бригад и приравненных к ним отдель-

¹² ЦГВИА, ф. 490, оп. 2, д. 32, л. 1.

¹³ Там же, д. 41, л. 26.

¹⁴ Там же, д. 36, л. 135, 135 об.

¹⁵ В послужном списке (там же, л. 98 об.) все это опущено.

¹⁶ В послужном списке добавлено отчество: Михайлов сын.

¹⁷ В послужном списке: записался.

¹⁸ В послужном списке: Шлесенбурхом.

¹⁹ В послужном списке: За рекою Невою.

²⁰ ЦГВИА, ф. 490, оп. 2, д. 27, л. 116.

²¹ Там же, д. 26, л. 5 об.

²² Там же, д. 22, л. 97 об.

²³ Там же, д. 35, л. 4 об.

²⁴ Там же, д. 27, л. 120.

ных частей, то эти офицеры обычно не имели на руках соответствующих документов. Соотношение лиц, имевших и не имевших патенты на офицерские чины, видно на примере Нижегородского драгунского полка. В 1722 г. в нем не имели патентов: полковник, подполковник, два майора, 10 офицеров полкового штаба, 7 из 9 капитанов, 7 из 10 поручиков, 7 из 10 прапорщиков²⁵. «Сказки» писались на отдельных листах писчей бумаги, а в некоторых полках на гербовой бумаге.

Составление офицерских «сказок» и послужных списков затянулось на длительное время. Объясняется это тем, что часть офицеров находилась в длительных командировках за пределами своих полков или в многомесячных домашних отпусках. Для того чтобы не задерживать представление сведений, в полках на основании имевшихся документов были составлены на этих офицеров послужные списки с припиской: «за ними неизвестно, что за кем поместья и вотчин и крестьянских дворов». В Псковском драгунском полку на «отлучных» офицеров представлялись копии прежде составленных «сказок» с объяснением, что «подлинная ево за рукою скаска у полковых дел, и что он сам у сей скаски... не подписался за отлучением»²⁶. По мере возвращения этих офицеров в свои полки на них составлялась соответствующая документация.

Сбор полковых формуляров, «сказок» и послужных списков в пехоте и кавалерии начался официально в январе 1720 г. Однако в пехотных полках он был в основном закончен в течение 1720 г. (в 30 полках из 34), в то время как в коннице он затянулся почти на два года и основная масса «сказок» и послужных списков была представлена в 1721 г. (в 21 полку из 26)²⁷.

По мере поступления в Военную коллегию полковые формуляры и приложенные к ним офицерские «сказки» и послужные списки получали регистрационные номера. Например, «№ 14 подан при доношении генваря 3 дня 1721 году» или «в протокол записан августа 16 дня 1720 году присланным от них доношением № 3859». Затем из них формировались дела отдельно на каждый полк: «Ярославского пехотного полку Списки и Скаски 720 году» или «№ 11 Драгунского Кропотова полку присланные Списки и Скаски 1721 году»²⁸.

Сохранившиеся офицерские «сказки» и послужные списки петровского времени охватывают в общей сложности 2245 офицеров, служивших в 60 полевых полках пехоты и кавалерии.

²⁵ ЦГВИА, ф. 490, оп. 2, д. 21, л. 2—47.

²⁶ Там же, д. 27, л. 130 об.

²⁷ Здесь и в дальнейшем все подсчеты, которые специально не оговариваются, составлены на основании документов: ЦГВИА, ф. 490, оп. 2, д. 1—61.

²⁸ Там же, д. 49, л. 1, 6; д. 36, л. 1. На обложке дела № 49 были последовательно проставлены номера: 23, 25 и 49. На обложке дела № 36 соответственно № 105(12), оп. 213, св. «б», д. 106(12) и № 36.

Эти документы довольно неравномерно распределяются по отдельным воинским частям. В делах 8 полков, где служило 326 офицеров (около 15% общего количества), сохранились как собственноручно подписанные «сказки», так и послужные списки, заверенные подписями тех, на кого они составлялись.

В материалах 33 полков, в которых служили 1299 офицеров (около 55% от общего их числа), сохранились «сказки» с собственноручными подписями, но не имеется послужных списков.

В документах 10 полков, где насчитывалось 377 офицеров (около 18% от общего числа), имеются собственноручно подписанные послужные списки, но нет офицерских «сказок».

В делах 9 полков, где служило 243 офицера (около 11% от общего числа), фигурируют только послужные списки, не заверенные личными подписями.

Наиболее ценной представляется та группа архивных материалов, в которых имеются собственноручно подписанные офицерские «сказки» и послужные списки. Собственноручно подписанные «сказки», поскольку они являются основой для послужных списков, более надежны, чем последние. В отдельных случаях, ввиду неграмотности авторов «сказок», по их просьбе за них подписывались другие лица. Всего неграмотные составляли около 5% подателей «сказок».

В источниковедческом плане офицерские «сказки» и составленные на основании их послужные списки петровского времени имеют следующие особенности:

— они могут быть отнесены к числу массовых источников, ибо охватывают в общей сложности 2245 офицеров;

— они характеризуют 80% офицеров полевых войск, что составляет около половины всех тогдашних командных кадров. По штату 1720 г. в русской армии надлежало быть 5286 офицерам. Учитывая обычный в то время 20-процентный некомплект офицеров, можно думать, что фактически их было 4200—4300 человек²⁹;

— для этих источников характерно единообразие, обусловленное постановкой одинаковых вопросов и унифицированной формой документов.

Все это облегчает сопоставление, группировку, взаимопроверку, анализ и делает возможным статистическую разработку сохранившихся «сказок» и послужных списков.

С сожалением надо отметить излишнюю лаконичность отдельных «сказок», особенно в той их части, где авторам приходилось сообщать о своих подвигах и боевых заслугах.

Изучаемым материалам присуща значительная информаци-

²⁹ Рабинович М. Д. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны.— В кн.: Россия в период реформ Петра I. М., 1973, с. 136.

онная насыщенность. Прежде всего они ценны как источник по военной истории. В них содержатся данные о строительстве и военных действиях русских войск в конце XVII в., и в частности в Крымских и Азовских походах. Интересны подробности, связанные с созданием регулярной русской армии накануне Северной войны, обучением личного состава и назначением командных кадров³⁰.

Особенно обширны данные о событиях Северной войны 1700—1721 гг.: сражении под Нарвой 1700 г.; боевых действиях 1701—1703 гг. под Ниеншанцем (Новыми Кандами), Печерским монастырем в ходе так называемой «малой войны» в Ингрии и Карелии; взятии в 1704 г. Нарвы и Дерпта; операциях 1705—1706 гг. в Польше, под Гродно; действиях русского «помощного корпуса» в 1703—1707 гг. на территории Польши, Саксонии; Головчинском деле; сражении при Лесной; боях под Опошней, Олешками, Сенжарами; «генеральной баталии под Полтавой» в 1709 г.; взятии Ревеля и Риги; операциях на Финляндском театре; Гангутском сражении; Померанской экспедиции 1711—1716 гг.; действиях русской армии и флота на юго-западе и западе Прибалтики, в Северной Германии, Дании, под Стокгольмом в 1717—1720 гг. Наряду с данными об известных сражениях в «сказках» содержатся многочисленные упоминания о боевых действиях, не изученных исторической наукой. Это позволяет пролить новый свет на многие события Северной войны, выяснить роль в них отдельных частей, соединений, полководцев.

В «сказках» фигурируют любопытные данные о различных боевых эпизодах. Полковник А. А. Мякинин сообщил, что в 1706 г. под Гродно он, переодевшись в гражданское платье, проник в неприятельский лагерь и произвел там разведку. По словам Г. Л. Турубаева, он «записался в службу е.ц.в. из вольных людей татарской природы из Астрахани охотою своею в 703 году», участвовал в приступе под Нарвой и был «також у розысков взятия Риги как шпионов, так и выходцов допросов. И по окончании рижского походу пожалован был за такие свои труды полковым писарем»³¹.

Из «сказок» становятся известны многие факты героизма русских воинов. За захват шведских знамен были произведены в офицеры драгун Г. А. Познахов, капралы В. Ф. Маслов и М. С. Тобеев. Выходец из боярских людей М. Мелентьев в сражении под Полтавой «был перед фрунтом, взял с пушки три знамя шведских», в 1714 г. он «брал штурмом» шведский фрегат и в 1719 г. был «пожалован прапорщиком»³². Ф. Сунгуров,

происходивший из рейтарских детей, «в солдатство взят в 700 году и написан в Киевской полк и был капралом и копте-нармусом до 715 году. А в оном году ис того Киевского полку командирован из Риги с капитаном Кулябакиным на трех брегантирах в Энбленк для забраня шведской артиллерии. И под местечком Винтавой оные суда погодою разбило и прибило на берег. Чего ради при тех судах оной оставлен был на карауле с 7 человеками рядовыми. И в оное время приступили к ним на капорах шведских и палили по них. И зделав оные батареи, напротив палили. И со оных капоров на шлюпках стали к ним выезжать на берег матрозы, и оных не впускали и выласку чинили. За оное в тот же 715 год указом его сиятельства генерала и кавалера Аникиты Ивановича Репнина пожалован оной на ваканц прапорщиком...»³³. Можно привести другие подобные факты, но и сказанного достаточно, чтобы оценить «сказки» как первоклассный источник по истории народного героизма.

«Сказки» и послужные списки дают разностороннее представление о жизни петровской армии: комплектовании и обучении войск; формировании, переформировании и упразднении воинских частей; порядке и практике чиновпроизводства, повышения и понижения в офицерских должностях и званиях; следствии, суде и штрафовании за злоупотребления и упущения по службе.

Ценность «сказок» не исчерпывается военно-исторической проблематикой. В них содержится также немало данных о классовой борьбе и народных движениях начала XVIII в.: восстаниях в Астрахани, Башкирии и Поволжье; крестьянской войне под предводительством К. А. Булавина. Следует оговориться, что имеющиеся в «сказках» сведения об этих событиях очень фрагментарны и касаются главным образом деталей и частности. Однако в сочетании с другими источниками они позволяют пролить дополнительный свет на некоторые события народных движений начала XVIII в. Например, премьер-майор Смоленского пехотного полка Ф. А. Полибин, бывший в 1708 г. сержантом Преображенского полка, писал: «Послан был на Дон против бунтовщиков донских казаков лейб-гвардии тогда бывшим мазром князь Василием Володимировичем Долгоруким за отютанта, и будучи в оном походе, был на акциях и баталиях безотлучно. А имянно под Черкасским, городком Тором Изюмского полку — против донских казаков. И под городком донским Есауловым на приступе и в шанцах. Так же под донским городком Донецком на штурме. И под городком Решетовым на баталии против оных же донских казаков». В награду за свою карательную деятельность Ф. А. Полибин был произведен из гвардии сержантов в капитаны гарнизонного полка³⁴.

³⁰ ЦГВИА, ф. 490, оп. 2, д. 2, л. 75, 75 об.; д. 21, л. 2, 3; д. 5, л. 171; д. 25, л. 111, 112; д. 29, л. 72.

³¹ Там же, д. 48, л. 24—27; д. 3, л. 129.

³² Там же, д. 17, л. 204; д. 11, л. 19 об., д. 16, л. 87, д. 61, л. 217.

³³ Там же, д. 39, л. 28.

³⁴ Там же, д. 52, л. 19 об., 20.

«Сказка» Полибина интересна не только перечнем мест, где происходили бои правительственных войск с повстанцами, но и как показатель упорства сопротивления последних. Из нее видно, что после неудачного приступа городок Есаулов пришлось брать с помощью шанцев, т. е. с применением военно-инженерных методов осады. Для овладения Донецком потребовался штурм, под Решетовым развернулось целое сражение («баталья»). Особую ценность свидетельству Полибина придает то обстоятельство, что он писал о событиях 1708 г., имея за плечами боевой опыт Северной войны. Тем более интересно, что он поставил в своей «сказке» участие в «акциях» против повстанцев в один ряд с боевыми действиями против регулярных шведских войск, оперируя при описании первых той же военной терминологией.

Заслуживают внимания сообщенные в формуляре Смоленского полка данные о его потерях в бою с булавинцами. Полк этот под командованием И. Билса разбили «донские казаки Микитка Голый с товарищи». К моменту боя в нем было 28 офицеров и 835 солдат и урядников. Было убито 5 офицеров (в том числе полковник, подполковник, поручик, прапорщик, полковой лекарь), 106 солдат и урядников и взято в плен 23 офицера, 729 урядников и солдат. Таким образом, повстанцы уничтожили и пленили весь полк И. Билса. Относительно пленных указано: «в оном же 708-м году приходом князя Василья Володимировича Долгорукова высвободили из помянутых воровских донских городков и вышли на Воронеж... 752 человека»³⁵.

В исследуемых документах содержится немало данных по социально-экономической истории нашей страны. Есть сведения о практическом применении указа 1714 г. о единонаследии; имеются материалы о землевладении и душевладении офицеров-дворян, правда, они не дают достаточно достоверной картины состояния их помещичьего хозяйства.

Статистическая разработка всего массива «сказок» и послужных списков позволила выявить происхождение армейского офицества: 61,9% — из дворян; 10,6% — из служилых людей «старых служб», 13,9% — выходцы из других сословий, 12,6% — иноземцы (1% — не указавшие происхождения). Наличие в командном составе значительной прослойки выходцев из недворянской среды (среди офицеров пехоты они составляли около 1/4 — 22,6%) объясняет, почему Табель о рангах 1722 г. причислила к дворянству всех офицеров — не дворян по происхождению. Вместе с тем из отдельных «сказок» видно, что, несмотря на неоднократные правительственные заверения о превосходстве службы над «породой», т. е. заслуг над происхождением, офицеры — выходцы из других сословий находились в неравно-

правном положении по сравнению с представителями дворянской аристократии.

Велико значение «сказок» как источника по генеалогии. Особую ценность им придает то, что наряду со сведениями о дворянских фамилиях в них содержится совершенно неизвестная науке массовая информация о выходцах из непривилегированных слоев населения: посадских, купцах, крестьянах, дворовых и боярских людях, монастырских служках и служителях. Это делает данные документы познавательными не только в плане изучения персональных судеб, что само по себе очень важно, но позволяет также с их помощью воссоздать коллективные биографии классов и сословий феодального общества начала XVIII в.

«Сказки» дают представление о высокой грамотности петровского офицества: более 9/10 сохранившихся документов подписаны или собственноручно написаны их авторами. Они заслуживают пристального изучения лингвистами и литературоведами как памятники живого народного языка начала XVIII в. с его речениями, идиомами, инверсиями, диалектологическими особенностями.

Теперь необходимо проанализировать достоверность информации, содержащейся в данных материалах.

Так как в основе офицерских «сказок» и послужных списков лежали сведения, лично сообщенные опрашиваемыми офицерами, в них можно различить две формы искажения истины: а) сознательную дезинформацию с целью что-либо приукрасить или скрыть; б) невольные ошибки и неточности, обусловленные давностью вспоминаемых событий, дефектами памяти, отсутствием необходимых документов или сведений.

Исходя из того, что офицерские «сказки» и составленные на их основании послужные списки содержали собственноручные подписки о строгой ответственности за сообщение неправильных сведений, уместно предположить, что заведомое искажение истины было явлением исключительным, обусловленным какими-либо чрезвычайными обстоятельствами.

Как указывалось выше, эти документы составлялись по единому вопроснику, имевшему целью выяснить социальное происхождение опрашиваемых; время поступления на службу, ее происхождение, чиновное положение. Учитывая то, что полковые и вышестоящие штабы располагали данными о службе, присвоении чинов, участии в боях офицеров каждой части или соединения, дача заведомо ложных показаний по этой группе вопросов представляется маловероятной. Тем более, что подобный обман всегда мог быть разоблачен ветеранами-однополчанами. Проверка этих данных показала их достоверность. Так, в «сказке» рейтарского сына И. Норкина говорилось, что в 1706 г., «будучи под Выборгом на море при команде Михаила Ивановича

³⁵ ЦГВИА, ф. 490, оп. 2, д. 52, л. 3 об., 4.

Щепотьева, брали шведскую шкуту... по имянному е.ц.в. указу за взятие оной шведкой шкуты пожалован в прапорщики». Правильность этого сообщения подтверждается «сказкой» П. Д. Голоскова, именным указом Петра I от 8 ноября 1706 г. и описанием боя, опубликованном в «Ведомостях» за 1706 г.³⁶ Бывший однодворец И. Воронов писал в своей «сказке»: «В 1704 году пошел из Киева с генералом князем Дмитрием Михайловичем Голицыным в Саксонию. 1706 году пошли из Саксонии в Польшу. В этом же году под Фрауштатом были на баталии. В том же году ис под Фрауштата пошли с генералом Ренцелем в Саксонию ж и в Цесарию до французской границы до города Филипсбурха... В 1708 году ис-под Филипсбурха пошли в Польшу». Аналогичные данные содержатся в «сказках» С. А. Щетинина, С. Иванова, Я. Попова, С. С. Татарнинова³⁷.

Разумеется, это не означает, что ответы на данную группу вопросов свободны от невольных ошибок и неточностей, порожденных дефектами памяти, а также отсутствием необходимых документов и сведений. Однако при анализе всех данных эти частные упущения и невольные искажения не имеют существенного значения, поскольку они обычно могут быть выявлены и исправлены при сопоставлении тех или иных показаний с полковыми «сказками» и свидетельствами однополчан.

Сложнее обстоит дело со сведениями, касающимися социального происхождения. Основная масса офицеров петровской армии происходила из дворян и служилых людей «прежних служб» и их детей. Принадлежность всех их к привилегированным сословиям подтверждалась и могла легко быть проверена документами Разрядного и Поместного приказов. В Военном приказе и сменившей его Главной Военной канцелярии имелись данные о найме и службе офицеров-иноземцев.

Иначе обстояло дело с выходцами из непривилегированных сословий. При формировании первых регулярных полков в 1699—1700 гг. их рядовой состав комплектовался даточными и вольничей³⁸. Даточные солдаты выставлялись феодалами в определенной пропорции к общему количеству крестьянских дворов, принадлежащих тем или иным помещикам и монастырям. Гораздо более пестрой и неопределенной была вольница, под которой подразумевались добровольцы из детей боярских, родовых, казаков, солдатских и стрелецких детей. Были среди вольницы посадские, холопы (боярские люди), дворовые и кабальные. Об этом, в частности, свидетельствуют офицерские «сказки»: подпоручик И. И. Суханов «написан в службу из даточных из людей дворовых в солдаты»; поручик П. Г. Голосков

сообщал: «в службе е.ц.в. с 700 году, а записался в солдаты из людей боярских волею своею»; поручик В. Д. Валуев свидетельствовал: «шел служить волею своею в солдаты от окольного сына Семена Ивановича Языкова и жил у него по отцовской кабале»³⁹.

Приток солдат из вольницы был значительно меньше, чем предполагалось по предварительным расчетам. Поэтому генерал А. М. Головин и его помощники, формировавшие «новоприборные» полки, не слишком тщательно выполняли правительственное распоряжение, запрещавшее призывать в регулярную армию «с пашен тяглых крестьян»⁴⁰. Пользуясь этим, отдельные представители последних проникали, скрыв свое происхождение, в числе вольницы, в новые полки и в дальнейшем выбивались в офицеры.

Об этом, в частности, свидетельствуют биографии некоторых офицеров Архангелогородского пехотного полка. Так, поручик И. Л. Бухаров первоначально сообщал о себе, что он якобы «из города Свяжска посадской человек»; подпоручик И. В. Поляков назвался «города Арзамаса казачий сын»; подпоручик П. П. Потехин (Петехин) заявил, что он «города Свяжска солдатский сын»; подпоручик Я. Ф. Раков написал, что он «родом москвитин посадской человек»; прапорщик К. М. Скороходов был записан в полк как «города Цивильска солдатской сын». С таким социальным происхождением они фигурировали в полковом смотренном списке 1711 г.⁴¹ Однако при составлении «сказок» и офицерских послужных списков в 1720 г. все они признались в обмане и сообщили, что происходят из боярских людей⁴².

Однако какая-то часть составителей недостоверных «сказок» не рисковала признаться в ранее совершенном обмане.

Общий удельный вес их в командном составе в 1702—1721 гг. установить не удалось. Возможно, что представление о них дают сведения о числе офицеров, не указавших в своих «сказках» и послужных списках социальное происхождение. Таковых насчитывалось 22 из 2245 человек. Социальное происхождение могло скрываться: а) из нежелания признаться в прежнем обмане, тем более что не был отменен апрельский указ 1702 г., предписывавший возвращать прежним помещикам и вотчинникам лиц, скрывших при вступлении в армию свою принадлежность к крестьянам и крестьянским детям; б) из

³⁹ ЦГВИА, ф. 490, оп. 2, д. 46, л. 22; д. 40, л. 84, 85.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 1209 (Поместный приказ), д. 5114(80), л. 26—33. В апреле 1702 г. это распоряжение было вновь категорически подтверждено. Предписывалось их «в солдаты не записывать же и не принимать... А буде тех вышеописанных пород люди, иноземцы, и крестьяне и крестьянские дети с жеребьев... у записки про себя утаят, и тех по розыску отдавать прежним помещикам и вотчинникам» (ПСЗ I, т. IV, № 1912, с. 196, 197).

⁴¹ ЦГАДА, Госархив, XX разряд, д. 16, ч. 1, л. 435, 435 об.

⁴² ЦГВИА, ф. 490, оп. 2, д. 58, л. 9 об., 16, 16 об., 17.

³⁶ ЦГВИА, ф. 490, оп. 2, д. 40, л. 84—85; Ведомости времени Петра Великого, вып. 1. М., 1903, с. 348—349.

³⁷ ЦГВИА, ф. 490, оп. 2, д. 37, л. 81, 81 об.; д. 55, л. 17, 26—28 об., 119, 120.

³⁸ Об этом см.: Рабинович М. Д. Полки петровской армии. Краткий справочник. М., 1977, с. 32—42.

опасения сурового наказания за вновь сообщаемые данные о сословной принадлежности в случае, если бы их признали ложными. Основная масса фактов сокрытия социального происхождения приходится на пехоту (20 из 22), где более четверти обер-офицерского состава (25,5%) составляли бывшие солдаты из даточных и вольницы.

Резюмируя сказанное, можно считать, что в 1720—1721 гг. большинство офицеров сообщали правильные сведения о социальном происхождении и только около 1% не указали его в своих «сказках» и послужных списках.

Гораздо больше сомнений вызывают приводимые в этих документах сведения об имущественном положении опрашиваемых. Наименее достоверными представляются данные о землевладении офицеров, выходцев из дворян и служилых людей «по отечеству». Как правило, авторы «сказок» ссылались на переписные книги 1678 г. и в связи с длительным отсутствием в домах в течение Северной войны отказывались сообщать о фактическом положении в своих имениях.

Однако даже в тех случаях, когда опрашиваемые сообщали о размерах землевладения и количестве принадлежавших им крестьянских дворов и крепостных душ, эти данные не соответствовали действительному положению на 1720—1721 гг. Объясняется это тем, что авторы «сказок» оперировали главным образом цифровыми показателями переписей 1678, 1698, 1709 гг. и изредка 1715 г., хотя за время, прошедшее с момента составления переписных книг, в поместном и вотчинном землевладении произошли очень значительные изменения.

Капитан В. И. Приклонский свидетельствовал: «А поместья и вотчин за мною... по переписным книгам 186 (1678) году 70 дворов, а по переписным книгам 709 году — 35 дворов». Почти втрое уменьшились владения подпоручика Т. Тушина (с 38 дворов по переписи 1698 г. до 13 по переписи 1709 г.). У полковника графа И. Г. Головкина (сына канцлера) количество крестьянских дворов сократилось почти в 8 раз — со 147 по переписным книгам 1678 г. до 19 по переписи 1709 г.⁴³

К сожалению, «сказки», в которых указаны сопоставимые данные, — явление единичное. Обычно сведения об имущественном положении приводились со ссылкой на какую-либо одну из переписных книг или вообще не датировались. К тому же даже в тех случаях, когда авторы «сказок» оперировали данными 1709—1715 гг., к 1720—1721 гг. эти сведения уже не отвечали действительному положению.

Все это исключает возможность сопоставимой статистической разработки сведений о фактических размерах поместий и вотчин и количестве крепостных, принадлежащих офицерам полевой армии.

⁴³ ЦГВИА, ф. 490, оп. 2, д. 16, л. 76 об.; д. 1, л. 131.